

Русская правовая ментальность: процессуальный закон vs народное правосудие обычного права

Аннотация. Уникальным источником для исследования русской традиционной правовой ментальности является русское обычное право, своего рода слепок с народного «инстинктивного правочувствия» (И. А. Ильин), продукт, хранилище и одновременно генератор правовых ментальных установок.

Результаты исследований в области когнитивной лингвистики подтверждают связь мыслительных процессов и языка. Автор исходит из того, что национальный язык является надлежащей основой, а средства лингвистики — эффективным инструментом для изучения национальной правовой культуры, правовой ментальности, правосознания.

В статье описаны отдельные подходы к толкованию понятий «ментальность» и «менталитет», предложено определение понятия «русская правовая ментальность» и обозначена категория ее носителей.

Процедуры рассмотрения и разрешения дел по нормам тайного, письменного, дореформенного (до 1864 г.) и пореформенного (после судебной реформы 1864 г.) процесса, закрепленного позитивным правом (законом), не только по форме, но и по самому подходу значительно отличались от традиций народного правосудия как «отрасли» русского обычного права.

Описаны основные установки русской традиционной правовой ментальности в значимых для восприятия права и закона — процессуальных — аспектах.

С целью реконструкции русской традиционной правовой ментальности обозначены ключевые ментальные установки, характерные для традиции русского обычного права, в противопоставлении с подходами, присущими западной правовой традиции. Сделано это в контексте следующих феноменов: идеал правосудия, процессуальный порядок, правовая квалификация, значение доказательств, цель и результат правосудия.

Ключевые слова: правосознание; правовая ментальность; правовой менталитет; русская традиционная правовая ментальность; обычное право; русское обычное право; процессуальный закон.

Для цитирования: Гаврилов С. Н. Русская правовая ментальность: процессуальный закон vs народное правосудие обычного права // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 10. — С. 100–112. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.100-112.

© Гаврилов С. Н., 2021

* Гаврилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра внедрения и эксплуатации Комплексной информационной системы адвокатуры России Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Россия, 119002 gavrilov@fparf.ru

Russian Legal Mentality: Procedural Law vs. Customary People's Justice

Sergey N. Gavrilov, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Center for the Implementation and Operation of the Integrated Information System of the Russian Federal Bar Association

per. Sivtsev Vrazhek, d. 43, Moscow, Russia, 119002

gavrilov@fparf.ru

Abstract. Russian customary law is a unique source for the study of the Russian traditional legal mentality. It is a kind of a cast from the people's "instinctive right-feeling" (I. A. Ilyin), a product, a repository and at the same time a generator of legal mental attitudes.

The results of research in the field of cognitive linguistics confirm the connection between thought processes and language. The author proceeds from the fact that the national language is an appropriate basis; and the means of linguistics are an effective tool for studying the national legal culture, legal mentality, legal consciousness.

The paper describes separate approaches to the interpretation of the concepts of "mentality" and "mindset", proposes a definition of the concept of "Russian legal mentality" and identifies the category of those possessing it. The procedures for considering and resolving cases according to the norms of secret, written, pre-reform (before 1864) and post-reform (after the Judicial Reform of 1864) process, fixed by positive law (legislation), not only in form, but also in the approach itself, differed significantly from the traditions of popular justice as a "branch" of Russian customary law.

The main attitudes of the Russian traditional legal mentality are described in procedural aspects that are significant for the perception of law and legislation.

Russian traditional legal mentality is reconstructed in order to identify the key mental attitudes inherent in the tradition of Russian customary law, in contrast with the approaches natural for the Western legal tradition. This is done in the context of the following phenomena: the ideal of justice, procedural order, legal qualification, the value of evidence, the purpose and result of justice.

Keywords: legal awareness; legal mentality; legal mindset; Russian traditional legal mentality; customary law; Russian customary law; procedural law.

Cite as: Gavrilov SN. Russkaya pravovaya mentalnost: protsessualnyy zakon vs narodnoe pravosudie obychnogo prava [Russian Legal Mentality: Procedural Law vs. Customary People's Justice]. *Lex russica*. 2021;74(10):100-112. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.100-112. (In Russ., abstract in Eng.).

1. К постановке проблемы

Менталитет vs ментальность. Классическая русская философия с ее выдающимися представителями всегда искала ответ на вопрос об особенностях русского национального характера, в том числе об отношении русского человека к праву и закону.

Для юридической науки вопрос о правовом менталитете (ментальности) является одним из ключевых.

Нужно отметить, что само употребление слов *менталитет* или *ментальность*, в случае намеренного их выбора, может априори содержать определенный подход к соответствующим явлениям¹.

Существует множество толкований указанных понятий, которые предложены представителями различных научных дисциплин и направлений. Обратимся к некоторым из толкований, в которых предлагается эти понятия содержательно различать.

Д. В. Полежаев считает правильным разделить термин *mentalité* на «менталитет» и «ментальность», рассматривая понятия как соотносящиеся между собой в качестве «целого» и «части», что, по его мнению, позволит говорить о менталитете общества (или национальном менталитете) и ментальности личности (индивидуальной ментальности)².

По мнению И. В. Емелькиной, если менталитет — это «сформировавшийся на базе социаль-

¹ Впрочем, лингвист из Польши М. Надель-Червиньска замечает, что само разграничение понятий *ментальность* и *менталитет* актуально исключительно в контексте русского самосознания. См.: *Надель-Червиньска М.* Русская ментальность и ментальность российская: сопоставление объемов семантического поля «новая лексика» // Политическая лингвистика. 2008. № 2. С. 75.

ного и духовного опыта предыдущих поколений устойчивый комплекс основополагающих представлений и проявлений субъектов социума, ориентирующий и во многом детерминирующий общественное и индивидуальное сознание и поведение», то ментальность — это «универсальное свойство индивидуальной психики, сохраняющее в себе типические инвариантные структуры, свидетельствующие о принадлежности индивида к определенному обществу и эпохе»³.

Лингвист-русист В. В. Колесов отмечает: «народы Западной Европы из понятия *mens*⁴ удержали исконное его содержание, их менталитет направлен на рассудок и мысль», тогда как для народов Восточной Европы «настроение, душевный склад и просто *душа*... — более важные ценности, чем шаловливая в своем непостоянстве мысль или трезвый рассудок». «Русское слово с абстрагирующим суффиксом *-ость*, — продолжает автор, — уводит от европейского понимания менталитета». «Поэтому, — делает он заключение, — и менталитет не то же, что наша ментальность», и в результате «менталитет обернулся ментальностью и таким остается в нашей традиции до сих пор»⁵.

В таком случае, полагаем, что возможно говорить о западном менталитете и русской ментальности. Применительно к русскому «мировидению» мы остановимся на слове *ментальность* как соответствующем русской языковой традиции и в большей степени подходящем для обозначения объекта исследования в рассматриваемом контексте.

Язык и мысль; ментальность и правовая ментальность. Тему ментальности (менталитета) возможно рассматривать в различных дискурсах: философском, антропологическом,

культурологическом, историческом, психологическом, правовом и др. К данной тематике обращаются представители соответствующих областей знаний.

В этой связи считаем правильным говорить о необходимости развития междисциплинарного подхода в исследовании столь многогранных явлений, каковыми являются ментальность (менталитет) и правовая ментальность (правовой менталитет) в частности.

Представители лингвистического психологизма (В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Г. Пауль, А. А. Потебня, Э. Сепир, Х. Штейнталь и др.) основывались на тесной связи языка и человеческой психики, на том, что именно язык формирует мысль и что сама мысль «направлена словом» (А. А. Потебня). Результаты современных исследований в области когнитивной лингвистики подтверждают устойчивую связь мыслительных процессов и языка⁶. Это позволяет рассматривать национальный язык в качестве материала для изучения ментальности (менталитета): «каждый язык есть своеобразное мировидение» (В. фон Гумбольдт).

Если обратиться к правовой области, то, как справедливо отметил Ю. А. Веденеев, «наука права и право — составные части языковой реальности», а «языковая реальность — производная ментальной и когнитивной реальности»⁷.

Избегая в данной статье включения в известный и извечный спор о наличии или отсутствии «особого русского национального характера» и, соответственно, — «особой русской правовой ментальности» и признавая наличие таковых⁸, мы исходим из того посыла, что именно национальный язык является надлежащей основой, а средства лингвистики — эффектив-

² См.: Полежаев Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2011. С. 16.

³ Емелькина И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. С. 15.

⁴ См.: *mēns, mentis, f:* 1) ...ум, мышление, рассудок... ум и сердце...; 2) благоразумие, рассудительность...; 3) образ мыслей... настроение, характер, душевный склад, душа...; 4) сознание, совесть...; 5) мужество, бодрость...; 6) гнев... страсть...; 7) мысль, представление или воспоминание...; 8) мнение, взгляд, воззрение...; 9) намерение, решение, план, желание...» (Латинско-русский словарь. URL: <https://la-rus-dict.slovaronline.com/36131-mens> (дата обращения: 09.02.2021)).

⁵ См.: Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 9, 12.

⁶ См., например: Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / сост. и ред. А. А. Кибрик [и др.]. М. : Языки славянской культуры, 2015.

⁷ Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // *Lex russica*. 2017. № 3. С. 14.

⁸ Сходство отдельных ментальных установок представителей различных национальностей (культур), по нашему мнению, не исключает возможности признавать за ними существующего свойства личности.

ным инструментом для изучения национальной правовой культуры, правовой ментальности, правосознания.

При этом полагаем, что уникальным источником для исследования русской традиционной правовой ментальности является русское обычное право как своего рода слепок с «правосозерцания крестьянства» (В. М. Нечаев), а точнее — народного «инстинктивного правосозерцания» (И. А. Ильин), продукт, хранилище и одновременно генератор правовых ментальных установок⁹.

При проведении исследования мы обращались к наследию русской философской мысли, основывались на результатах работ специалистов в области обычного права, а также научных подходах и трудах одного из авторитетных российских филологов — историка русского языка и специалиста в вопросах русской ментальности профессора В. В. Колесова, который определяет ментальность как «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке»¹⁰.

С учетом предложенного толкования мы рассматриваем русскую правовую ментальность как основанную на русской культуре и

языке способ восприятия права, закона и связанных с правом и законом явлений, а также способ выражения соответствующих явлений, способность истолковать данные явления как их сущности в формах и категориях русского языка и соответственно этому действовать в определенной обстановке.

Носители русской традиционной правовой ментальности. К категории исконных носителей русской традиционной правовой ментальности возможно отнести крестьян в изначальном — древнерусском — значении данного слова: «крестьянин — русский человек, занятый продуктивным крестьянским трудом, живущий в избе и объединяющийся в общину. Самоназвание мужика по исповеданию христианской веры образовалось от древнерусского *христианин, крьстьянинъ* — “христианин, человек” (1096), в отличие от “не-людей” — “поганых агарян”»¹¹.

В период XVII — нач. XX вв. крестьянство составляло более 80 % населения России¹². Однако если учесть статистику состава национальностей¹³, распределения населения по вероисповеданиям¹⁴ и тот факт, что слово *крестьянин* изменило свое первоначальное значение и позже определялось как «мелкий товаропроизводитель в сельском хозяйстве, владеющий средствами производства и непо-

⁹ В этом отношении справедливо замечание Т. В. Шатковской о том, что «специфика правовой природы русской ментальности большей частью проявляет себя в обычном праве» — (Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 15).

¹⁰ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 13.

¹¹ Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1. С. 388 (далее — СРМ).

По В. И. Далю, крестьянин — «крещеный человек», «мужик, землешец или земледел, селянин, поселянин; сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию» (см.: URL: <http://alcala.ru/dal-slovari/slovar-K/24599.shtml> (дата обращения: 12.11.2020)).

¹² В социальной структуре населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVII — нач. XX в. крестьянство составляло: в 1678 г. — 88,7 %, в 1719 г. — 89,1 %, в 1762 г. — 91,6 %, в 1795 г. — 88,8 %, в 1858 г. — 82,6 %, в 1870 г. — 81,8 %, в 1897 г. — 85,9 %, в 1913 г. — 80,2 %. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 130.

¹³ Как отмечает Б. Н. Миронов, «в 1646 г. на долю русских приходилось около 95 % всего населения страны, к 1917 г. — 44,6 %. В составе империи насчитывалось около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре...» (Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 25).

¹⁴ По состоянию на 1897 г. на долю православных и единоверцев приходилось около 70 % населения Российской империи. См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Таблица XII : Распределение населения по вероисповеданиям.

средственно прилагающий свой труд в производстве» (Д. Н. Ушаков), то требуется уточнение признаков лиц, которых возможно именовать носителями русской традиционной правовой ментальности¹⁵.

К таковым, по нашему мнению, возможно отнести лиц православной веры, которые являлись носителями русской культуры и русского языка, принадлежали к крестьянскому сословию и в среде которых общественные отношения регулировались преимущественно на основе норм русского обычного права¹⁶.

2. Процессуальный закон vs народное правосудие

Поставленный нами вопрос о сравнении закона (позитивного права) и обычного права возможно рассматривать как не вполне корректный, если полагать, что нельзя сравнивать обычное право, как архаичное, стоящее на более низкой ступени развития, с позитивным правом, наследующим, например, традиции римского.

Однако полагаем, что сравнение обычного и позитивного права вполне допустимо, но не по «степени их выработанности», а по «их характеру», по самому подходу, на котором основано регулирование, о чем писала А. Я. Ефименко¹⁷.

Широко известные как по результатам исследований конца XIX — начала XX в., так и по современным научным работам характерологические особенности русского обычного права рассматриваются нами в контексте установок, присущих носителям традиционной русской правовой ментальности.

Сделана попытка обозначить основные установки русской традиционной правовой ментальности в значимых для восприятия права и закона — процессуальных — аспектах. Это своего рода опыт проникновения в слои подсозна-

ния русского традиционного правосознания как «инстинктивного правочувствия».

Полагаем, что именно процессуальное право наиболее отчетливо отображает представления о том, с помощью каких правовых средств и способов достигается «правда-истина» в понимании западной традиции права и «правда-справедливость» — в русской.

В целях статьи все, что касается западно-европейской парадигмы отношения к праву и закону, а также явлений, с ними связанных, мы будем определять как «западную правовую традицию», а в процессуальном аспекте — как «процессуальный закон». В свою очередь, все явления правового характера и отношение к ним в контексте русского обычного права и русской традиционной правовой ментальности мы именуем «традицией русского обычного права», а в процессуальном аспекте — «народным правосудием».

Обозначим ключевые установки, характерные для традиции русского обычного права, в противопоставлении с подходами, присущими западной правовой традиции, в контексте следующих феноменов: идеал правосудия, процессуальный порядок, правовая квалификация, значение доказательств, цель и результат правосудия.

Оговоримся сразу, что, ведя речь об особенностях русского народного правосудия, мы рассматриваем последнее не как *sui generis* (лат. «единственный в своем роде»), а особенности его — не как присущие лишь только ему и неизвестные обычному праву других народов. В то же время особенности эти — нечто органическое, обусловленное не только и не столько степенью развитости правовой культуры нации в определенный исторический период, сколько вневременными характерологическими особенностями национальной ментальности¹⁸.

¹⁵ Следует отметить, что речь идет именно о *традиционной* (исконной) русской правовой ментальности, которая подверглась естественной трансформации в модернизационных процессах со второй половины XIX в. по настоящее время.

¹⁶ Здесь необходимо учитывать фактор многообразия и особенностей культурных и правовых традиций носителей русской культуры и языка на отдельных территориях империи.

¹⁷ Ефименко А. Я. Субъективизм в русском праве // Исследования народной жизни. Обычное право. М., 1884. С. 173–181.

В своей статье А. Я. Ефименко ссылается на позицию в данном вопросе И. Г. Оршанского.

¹⁸ И. Г. Оршанский отмечал, что такая, например, характерная особенность русского обычного права, как «стремление к конкретной справедливости как противовесу абстрактной, формальной законности присуще и практике наших общих судов, хотя и судящих не по обычаю, а по закону» (Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 153).

Идеал правосудия: правда-истина vs правда-справедливость. Западная правовая традиция с присущими ей менталитетом и правосознанием и традиция русского обычного права с характерными для нее ментальностью и правовым чувством имеют разные идеалы.

Главный девиз римских правоведов — *sum cuique tribuere* (лат. «отдавайте каждому, что ему принадлежит»). Идеал западной правовой традиции — истина. Для процессуального закона это основанный на *ratio* (от лат., здесь в значении «разум») поиск доказательств, проверка их относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности — достаточности, с последующей квалификацией содеянного.

Вот как толкует истину Словарь русской ментальности: «Истина — постигаемая рассудком как польза неуловимая сущность действительности, представленная как настоящее, точное и достоверное знание о *правде*. <...> В отличие от нравственной категории *правда, истина* не закончена, в ней ощущается “мелькание” действительности; все *истинное* — не идея будущего и идеал, как *правда*, а настоящее в настоящем, оно достоверно при условии “правильного” его восприятия»¹⁹.

Истина не являлась идеалом народного правосудия. Здесь действует общая установка: «Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды»²⁰.

Мысль можно *уловить*, факт — *узнать*, истину — *узнать, познать* и *постичь*, а правду можно *почувствовать, угадать, искать, «выследить»* (Л. Н. Толстой) и в конечном счете — *найти или не найти*.

Вновь обратимся к Словарю русской ментальности: «*Правда* — основная категория славянской этики, идеально *Божья правда* — бытие, а не быт, — мечта, представленная всегда в законченном виде. Цельное и целостное проявление идеала; дается благодатью и совершается любовью; основная форма выражения справедливости. Это добро, в оттенках

представленное как проявление разума (*правда-истина*), духа (*правда-справедливость*) и воли (*правда-мощь*) в качестве единящей нравственной силы (*правда-камень; краугольный камень*)»²¹.

Судили «по убеждению и по совести», «по правде», «сообразно с обстоятельствами», «глядя по человеку»²². Идеалом правосудного решения была именно правда-справедливость, а главной установкой — «чтобы никому обидно не было».

Категория, тесно связанная с правдой, — это справедливость: «Справедливость — ощущение *правды*, побуждающее принимать *праведное* беспристрастное решение или предпринимать должное верное действие согласно существующему *праву* по чувству долга, как признак человеческого достоинства и свободной воли. <...> Семиотически справедливость — это *совместное* (приставка *с-*) *право*, устремленное к *правде* в достижении *праведности*, цепь производных, отражающих становление категории в общественном подсознательном»²³.

Правда (правда-справедливость) не то, что истина (правда-истина). «Истина — говорит В. В. Колесов, — последовательно уводит мысль в интеллектуальную <...> требующую разумных обоснований или доказательств сферу»²⁴. «Неясно только, — добавляет автор, — зачем выделять две “правды”, если и так понятно, что истина — это правда-истина, а правда есть правда-справедливость»²⁵.

Идеал русского обычного права и народного правосудия — это «правда-справедливость». Идеал, предопределяющий пригодность или непригодность избираемых процессуальных средств в ее — правды-справедливости — охране как объекта и в ее достижении как цели. Процессуальные средства, основанные на *ratio*, для охраны правды-справедливости не только не нужны, но порой и опасны.

Говоря о народном правосудии, И. Г. Оршанский отмечает, что волостной суд руковод-

¹⁹ СРМ. Т. 1. С. 345.

²⁰ Бердяев Н. Судьба России // Русская идея. М. ; СПб., 2005. С. 89.

²¹ СРМ. Т. 2. С. 82.

²² См., например: Березанский П. И. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 126.

²³ СРМ. Т. 2. С. 313.

²⁴ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. СПб. : Издательство СПбГУ ; Нестор-история, 2011. Кн. 4 : Мудрость слова. С. 130.

²⁵ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 262.

ствуется в своих решениях «не какими-нибудь теориями или законными постановлениями, а бесхитрым инстинктом справедливости»²⁶.

Именно в этом и состоит ключевое отличие «западного право-сознания» с его действием *разума*²⁷ от «русского право-чувствия» с его проявлением *духа*²⁸, для которого «понять — значит почувствовать» (Станиславский)²⁹. Здесь, по нашему мнению, и проходит ментальный водораздел между установками западной правовой традиции и традицией русского обычного права³⁰.

Итак, *правда-справедливость* для русского народного правосудия есть и идеал, и охраняемый объект, и цель. Для западного — *разумно* (*sic!*) остановиться лишь на достижении *правды-истины*.

Процессуальный порядок: «процессуальная форма» vs «бесформенность мысли». Процессуальный закон прочно стоит на процессуальной форме: соответствие формальным процедурам и правилам обеспечивает достижение истины (правды-истины). «На Западе, — говорит Н. А. Бердяев, — мысль и знание очень дифференцированы, все распределено по категориям»³¹, притом что для русских «содержание важнее формы»³².

Народное правосудие не стеснено процессуальной формой.

В этом — общее отношение к форме русского сознания. «Все время, — замечает В. В. Ко-

лесов, — и во всем русское сознание выше логики, тесного вместилища расхожего знания в явленной форме — формальной логики. Символ и образ ему как-то ближе. Ближе потому, что в словесные сети ловит оно не понятие, а концепт, не мысль, но идею, а идею понятием не ухватишь, не определишь границей, не втиснешь в рамки “*S есть P*”»³³.

Бесформенность мысли приписывается русскому сознанию. Есть и объяснение: «бесформенность связана с духовностью, а дух не имеет формы» (В. В. Розанов).

Само слово *бесформенность* отдает чем-то ущербным. Но бесформенность — это не недостаток, это своего рода другая форма. И. Л. Солоневич говорит: «форма есть и у нас — только другая форма. Может быть, даже форма, находящаяся несколько в другом измерении»³⁴.

По поводу того, что русская ментальность страдает «отсутствием формы», «образным мышлением», впадает в «интуитивизм», В. В. Колесов замечает: «Это просто другая ментальность...»³⁵. Ссылаясь на философию Лейбница, филолог говорит: «“отсутствие формы” предстает как гармония еще не порушенного концепта, который явлен (и понимается) как суть идеи, вещи и слова. Готовых понятий еще нет, они постоянно воссоздаются путем слияния родового (культурного символа, данного в слове) с видовым, каждый раз оригинальным и новым (субъективно-интуитивный образ в том

²⁶ Оршанский И. Г. Указ. соч. С. 124.

²⁷ «Разум — практическое приложение ума и рассудка...» (СРМ. Т. 2. С. 162).

²⁸ «Дух — глубинно творческое единство разума, чувства и воли, воплощенное в душе, явленное в духовности и раскрываемое в деятельности человека» (СРМ. Т. I. С. 234).

²⁹ «Чувство — присущая человеку способность к восприятию, различению, усвоению и осмыслению явлений внешнего мира» (СРМ. Т. 2. С. 494).

³⁰ Представляется очевидным, что сказанное здесь и далее нельзя рассматривать как признание факта некоей эксклюзивной «приватизации» носителями русской культуры и правовой ментальности «особой духовности», «справедливости», «чувственности» и т. п. качеств.

³¹ Бердяев Н. Новое средневековье // Русская идея. М.; СПб., 2005. С. 660.

³² См.: Бердяев Н. Новое средневековье... С. 625.

Представляется неслучайным то, что и сейчас фраза «проявление формального подхода» имеет для носителя русского языка отрицательную коннотацию, говорит о поверхностности такого подхода.

³³ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 424.

³⁴ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 273.

Интересно, что при этом наблюдалась некая парадоксальная любовь русской интеллигенции к «внешним формам», «пристрастие к формальным правилам и подробной регламентации», «особенная вера в статьи и параграфы». Причины такого пристрастия Б. А. Кистяковский находил в том, что «в правовой норме наша интеллигенция видит не правовое убеждение, а лишь правило, получившее внешнее выражение» (Кистяковский Б. В защиту права // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 144).

³⁵ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 420.

же слове). Конструирование понятий происходит безостановочно, и потому не может быть законченной их системы. Система предстает в свернутом виде, как семантическая синкрета концепта в живой цельности смысла³⁶.

Впрочем, петровская попытка упорядочить — *о-формить* — процесс была: указ «О форме суда»³⁷. Была и реакция народа: «Суд по форме — судей покормит».

Правовая квалификация: «анализ и синтез» vs «целое и живое». Привычный для традиции закона подход — определить состав правонарушения (преступления, проступка): объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Используются средства анализа: событие делится на составляющие, проводится правовая квалификация.

Для народного правосудия это не просто не нужно — это недопустимо! Нельзя даже на мгновение отделить того, «кто совершил», от того, «что совершил». Любое событие, правоотношение (преступление, проступок) видится как нечто «целое и живое».

Продолжая тему формы, следует сказать: это способ чувствовать не с помощью формы как структуры с застывшими (*мертвыми*) элементами, входящими в нее, а через объем; не через совокупность раздробленностей, а через «общее целое» и «живое», составляющее жизнь общины. Не случайно принцип общности составлял суть крестьянской организации, «воссоздавал целое в качестве высшего закона общественной жизни» (А. В. Гордон).

Для представления объекта в его полноте элементов (как результатов *разложения*) может не хватить: *ratio* двумерно, а порой и одномерно. Русское сознание, а вслед за ним и правосознание (точнее, то самое *правочувствие*), требует не вхождения в детали, а охвата объема. Ему нужна трехмерность и даже *четырёхмерность*: «четырёхмерный мир Древней Руси»³⁸.

В этом проявляется, а точнее, это и есть свойство образности русского мышления. Нужно *о-хватить* (не *у-хватить* — это для частностей) объект целиком, в *нераздробленном*, а значит — *живом* его виде.

В. В. Колесов подчеркивает: «*Цельность* как принцип составляет главное достоинство русского ума и характера. Отсюда проистекает не раз отмеченная философами принципиальная *системность* мышления как русская традиция, т. е. стремление к построению широких обобщающих конструкций», примеры которых приводятся Лобачевским и Менделеевым. Это — глубина системности, а не формальность системы³⁹.

Для русского взгляда нужен другой подход: не *точка зрения*, а *поле обзора*. Это «панорамное зрение» (Д. С. Лихачев) средневекового автора «Слова о Русской земле», в котором единство и целостность Русской земли описываются через ее части, но части имеют смысл именно как ее — земли — части.

Необходимо не движение по логической *цепи*, а взгляд на объект *в целом* и на объект *целый* и значит — *живой*. «Принцип целостности у русских противопоставлен западному принципу частичности во всех направлениях», — говорит В. В. Колесов⁴⁰. «Истина дается ведь по частям, — продолжает автор, — правда предстает вся разом, целиком и потому не помыслена в воображении, а живет»⁴¹.

При выборе: идти от частных, раздробленностей к общему или изначально охватить общее, а частности увидятся сами в едином образе, — народное правосудие выбирает второе. «Идя от части, — писал Л. П. Карсавин, — мы забываем о целом и низводим целое на степень внешней системы элементов: это удобно для формального познания, но нарушает логику живого, т. е. искажает реальную картину. Системами дорожат только те, кто не видит живого, и

³⁶ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 420.

³⁷ Именной указ от 05.11.1723 «О форме суда» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 7. № 4344.

³⁸ Развертка «древнерусского пространства», данная на основе формы складня 1412 г. Б. А. Рыбаковым, такова: «широта — высота — глубина — длина». См.: Колесов В. В. Древняя Русь... Кн. 4. С. 346.

³⁹ См.: Колесов В. В. Русская ментальность... С. 392. Ф. В. Шубарт говорит: «На Западе “целевое мышление” есть форма мысли властного человека — этика императива; у русского человека “выразительное мышление” — этика импульса, ценность выражения для него выше ценности познания... вечное можно только выразить». См.: Шубарт Ф. В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 100–101.

⁴⁰ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 556.

⁴¹ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 136.

тогда “жалкая оболочка системы” заменяет им живое целое»⁴².

В русской модели мировидения живое нельзя разделять, дробить (*расчленять* = *убивать*).

Вероятно, любой аналитический процесс воспринимается русским подсознанием как противоестественный, как «дробящий целое» (Событие жизни) и «убивающий живое» (саму Жизнь). Пытаться разбить на четыре элемента (объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона) — значит пытаться своего рода *четвертовать*.

Но ведь познание в процессуальном праве — это не только *анализ*, но и *синтез*. Да, это так, но недопустимость членения целого и живого влечет бесполезность попытки «собрать» из неживого живое: «Вообще нельзя составить ничего живого, — говорит И. В. Киреевский, — живое рождается только из жизни»⁴³.

Собрание из *расчлененного* — целого, *составление* из мертвого — живого? Результат очевиден: «Это невозможно!» Попутно возникает ассоциация со словом *составление*: «составщики воров и душевредцов»⁴⁴. В числе синонимов: доносчик и ябедник. Отсюда русское выражение: «Ну ты и *составляешь* — врешь!»

Формальная логика юридического процесса призывает сначала идти по частям, собирая мозаику доказательств, оценивая их, и это якобы приводит к правде. Да, но в лучшем случае — лишь к *правде-истине* и вовсе не гарантирует нахождения *правды-справедливости*. «В отличие от “истины”, — повторяет В. В. Колесов, — “правда” изначально дана в целостном виде, для уточнения о ней не нужны накапливающиеся в наблюдении и в сознании признаки, а также вызывающие такие признаки действия»⁴⁵.

Доказательства: «собрание, проверка, оценка» vs «своим ничего не нужно доказывать». Ключевой процесс института доказательства права: собрание, проверка и

оценка доказательств на предмет их относимости, допустимости и достоверности.

Доказательства как результат *ratio*-анализа для народного правосудия результат не годный. Здесь действует общая ментальная установка, основанная на соборности сознания: «своим ничего не нужно доказывать» (Н. А. Бердяев), а «если нужно что-то доказывать — доказывать ничего не надо» (Д. С. Мережковский). Добавим: не имеет смысла, бесполезно. Ведь «доказательства не нужны для соборного сознания» они «нужны лишь для тех, которые любят разное» (Н. А. Бердяев). Лев Николаевич Толстой подводит черту в вопросе: «Правда то, что правда, а не то, что доказано»⁴⁶.

Это не отрицает необходимости для народного правосудия установления того, «что и как было». Это не означает, что в обычном праве отсутствует система доказательств. Но задача стоит не только и не столько в том, чтобы установить «что и как было», сколько в том, чтобы определить, было ли совершенное содеяно «по правде» и как совершенное соотносится с понятием справедливости, точнее — правды-справедливости.

«“Самое употребительное” доказательство в народном правосудии по обычному праву, — говорит П. И. Березанский, — показания свидетелей. Однако “когда дело известно в деревне, то и не надо свидетелей”⁴⁷, и так все ясно, когда “всему миру известно”».

У того же автора находим: «судьи при постановлении решения не только руководствуются доказательствами, представленными тяжущимися и выясненными на суде, но если они сами что-либо знают не как судьи, а как частные лица, то и на этом основывают приговор»⁴⁸.

Но как же без логического этапа доказательства, ведь этот процесс для мышления невольный, автоматический? По мнению А. В. Гулыги, «дело в том, что в творческом созидательном

⁴² Цит. по: Колесов В. В. Русская ментальность... С. 392.

⁴³ Киреевский И. В. Собр. соч. : в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 392.

⁴⁴ Из Указа от 21.02.1697 «Об отмене в судных делах очных ставок...»: «...и иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нанимают за себя в суды и в очные ставки свою братию и Боярских людей ябедников и составщиков же воров и душевредцов, и за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслами и лукавством в вершенье тех дел правым и маломочным человеком во оправдании чинится многая волокита и напрасная харчи и убытки и разоренье...» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 3. № 1572).

⁴⁵ Колесов В. В. Древняя Русь... Кн. 4. С. 130.

⁴⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1984. Т. 18 : Избранные письма 1842–1881. С. 327.

⁴⁷ Березанский П. И. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 86.

⁴⁸ Березанский П. И. Указ. соч. С. 84.

процессе логический этап доказательства — всего лишь краткий момент, а основное падает на “неконтролируемое мышление” (вызревание мысли в чувствовании, озарение, открытие, завершение интуитивного мышления и т. п.)⁴⁹.

Все эти особенности «русского мировидения», вероятно, сказались на той самой «низкой степени выработанности» обычного права. Но истинная причина, как полагаем, в самом правовом подходе и главное — в цели как предполагаемом результате правосудия.

Цель и результат правосудия: «каждому, что ему принадлежит» и «наказание» vs «грех пополам» и «мир да лад». И. Г. Оршанский весьма категоричен: «мировая сделка»⁵⁰ есть единственно нормальный исход процесса по народным понятиям⁵¹. «Суд стариков, — подтверждает П. И. Березанский, — почти никогда не решает дел, большею же частью старается помирить тяжущихся»⁵². По свидетельству Н. А. Астырева, до суда доходило не более двух третьих заявленных в волостное правление жалоб, одна треть заканчивалась миром без помощи правосудия⁵³.

Народное правосудие имело сверхзадачу обеспечения в общине состояния *мира*⁵⁴ и *лада*⁵⁵. И это не проявление некоего наивного идеализма. В этом осознание *пользы* такого состояния общины, гарантия ее существования и пользы самого суда для охранения мира в общине. «Крестьяне, — отмечает П. Березанский, — хорошо осознают важность местных сельских судов, самое существование которых зависит не от предписаний закона, а от *пользы* (выделено мной. — С. Г.), которую они приносят»⁵⁶.

Если идеал русского народного правосудия — правда-справедливость, то его цель в

том, чтобы *у-ладить* конфликт, спор, отношения. Такой феномен обычного права, как «грех пополам»⁵⁷, — пример важности примирения как желаемого результата процесса. Дело решалось, «глядя по человеку и по хозяйству» (т. е. принимая в соображение личное положение сторон), чтоб «никому не было обидно».

При такой нацеленности на разрешение конфликта (не в смысле установления правды-истины, а в смысле достижения правды-справедливости) не существовало и необходимости в столь формализованной системе доказывания и соответствующих средствах доказывания.

Ориентирующийся на то, чтобы «никому не было обидно», на сохранение *мира* в *крестьянском мире*, народный суд был озадачен установлением *ratio*-истины в значительно меньшей степени.

Задача процессуального закона — разобратся в деле, вынести законное решение и, если необходимо, наказать. Все. Остановка.

Здесь же ограничиться лишь «этим делом» нельзя. Это событие — *со-бытие* («бытие, а не быт») — часть общего бытия общины. На формальном решении остановиться невозможно: «жизнь продолжается».

Руководимое интуицией, основанной на жизненной опытности, обычаях и традициях, обычное право «слышало жизнь», а народное правосудие ее охраняло.

Своей архаичностью обычное право, как «продукт творчества народа» (И. Г. Оршанский), хранило первородное, изначальное представление о процессе как о чем-то полезном, не отягощенном формализмом и условностями позитивного права. Это изначальное понятная — без нагромождений формальностей — процедура, в рамках которой только и возможно

⁴⁹ Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 428.

⁵⁰ В отдельных местностях — «мировая покладка».

⁵¹ Оршанский И. Г. Указ. соч. С. 152.

⁵² Березанский П. И. Указ. соч. С. 14, 15.

⁵³ См.: Астырев Н. А. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М, 1898. С. 244.

⁵⁴ «Мир — разнообразное проявление бытия, направленного сверхсистемным началом в сторону органического единства; в частности, покой и согласие как проявление внутреннего спокойствия и согласованности в чувствах, мысли и действиях» (СРМ. Т. I. С. 445).

⁵⁵ «Лад — внешняя и внутренняя гармония, характеризующая жизнь человека в согласии с самим собой и с окружающим миром (ладно). Проявляется в покое и противопоставлен вражде, ссоре и беспорядку («где мир да лад, там и Божья благодать»). В отличие от порядка, Лад — состояние соразмерной стройности, идущее из души человека и существующее по воле природы» (СРМ. Т. I. С. 397).

⁵⁶ Березанский П. И. Указ. соч. С. 23–24.

⁵⁷ Сущность его заключалась в том, что спорное имущество распределялось поровну между обеими сторонами, истцу присуждалась половина иска.

добиться Справедливого, а значит, истинно Правового решения, позволяющего достичь *правды-справедливости*.

«Обычай старше (сильнее) закона», а обычное право «смотрело» дальше закона, ему важно не просто «отдать каждому, что ему принадлежит» и не наказать (отомстить), обеспечив *превентивность* (*пред-упредить*, а в сущности — *за-пугать*), а сохранить мир: *мир* как общину и *мир* как состояние общины.

Преступление как переход за черту, за *кон* есть лишь нарушение закона (позитивного права), властью *закона* и ограниченное.

В эпицентре внимания обычного права — не преступление закона, а *со-бытие*, поступок, греховный ли, пустяшный ли, но поступок, важный для *общего*. «*Пре-ступ-ление*, — говорит В. В. Колесов, — сродни поступку; это тоже поступок, но, в соответствии с особенностями русской ментальности, понимается как поступок искаженного характера»⁵⁸. Этот поступок может

быть признан *про-ступком*, *пре-ступлением* либо так и остаться *поступком*, в зависимости от его «общественной опасности»: опасности *для общего*, для *общины*.

Правосудию обычного права нужно не *о-судить*, а *рас-судить*. И *рас-судить* не столько в значении «разобрав обстоятельства, вынести решение по поводу чего-нибудь» (Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов), а в значении «действовать, *рас-суждая* — основательно (“и чтоб никому обидно не было”) — и в конечном счете *рассудить* (глагол совершенного вида), значит, “прекратить суд” — “покончить дело миролюбиво”, пусть и через “грех пополам”, но восстановив *мир* и стремясь обеспечить тем состояние *лада*».

Рассудить — значит в конкретном деле поставить точку, а для *жизни общины* — много-точие. Говоря современным языком, не решить вопрос частный, а решать вопросы общие.

И обычное право их решало: «жизнь продолжается»...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астырев Н. А. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. — М., 1898. — 396 с.
2. Бердяев Н. Новое Средневековье // Русская идея. — М. ; СПб., 2005. — 832 с.
3. Бердяев Н. Судьба России // Русская идея. — М. ; СПб., 2005. — 832 с.
4. Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. — Киев : Универ. тип., 1880. — 252 с.
5. Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Lex russica. — 2017. — № 3. — С. 9–28.
6. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. — М., 1995. — 310 с.
7. Емелькина И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2011. — 53 с.
8. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Обычное право. — М., 1884. — 383 с.
9. Киреевский И. В. Собрание сочинений : в 2 т. — М., 1911. — Т. 1. — 289 с.
10. Кистяковский Б. В защиту права // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1909. — 215 с.
11. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. — СПб. : Издательство СПбГУ ; Нестор-история, 2011. — Кн. 4. — 480 с.
12. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб., 2006. — 624 с.
13. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. — СПб., 2014. — Т. 1. — 592 с. ; Т. 2. — 592 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. — СПб., 1999. — Т. 1. — 547 с. ; Т. 2. — 582 с.
15. Надель-Червиньска М. Русская ментальность и ментальность российская: сопоставление объемов семантического поля «новая лексика» // Политическая лингвистика. — 2008. — № 2. — С. 74–83.
16. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. — СПб., 1879. — 454 с.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. — Вып. I: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб., 1905. — 42 с.

⁵⁸ Колесов В. В. Русская ментальность... С. 525.

18. Полежаев Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Волгоград, 2011. — 43 с.
19. Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 1991.
20. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. — М., 1984. — Т. 18. — 899 с.
21. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 60 с.
22. Шубарт Ф. В. Европа и душа Востока. — М., 2003. — 446 с.
23. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 848 с.

Материал поступил в редакцию 26 июня 2021 г.

REFERENCES

1. Astyrev NA. V volostnykh pisaryakh. Ocherki krestyanskogo samoupravleniya [As a parish clerk. Essays on peasant self-government]. Moscow; 1898. (In Russ.)
2. Berdyaev N. Novoe Srednevekovye [New Middle Ages]. Russkaya ideya [Russian idea]. Moscow, St. Petersburg; 2005. (In Russ.)
3. Berdyaev N. Sudba Rossii [The Fate of Russia]. Russkaya ideya [The Russian idea]. Moscow, St. Petersburg; 2005. (In Russ.)
4. Berezanskiy P. Obychnoe ugovolnoe pravo krestyan Tambovskoy gubernii [The ordinary criminal law of the peasants of the Tambov province]. Kiev: Univer. tip.; 1880. (In Russ.)
5. Vedeneev YuA. Yuridicheskaya nauka: vvedenie v kontseptualnuyu istoriyu [Legal Science: Introduction into Conceptual History]. *Lex russica*. 2017;(3):9-28. (In Russ.)
6. Gulyga A. Russkaya ideya i ee tvortsy [The Russian idea and its creators]. Moscow; 1995. (In Russ.)
7. Emelkina IV. Rossiyskiy mentalitet: sushchnost, obem ponyatiya i sotsialnaya rol: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk [The Russian mentality: The essence, scope of the concept and social role. Author's abstract of the Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation. Moscow; 2011. (In Russ.)
8. Efimenko AYа. Issledovaniya narodnoy zhizni. Obuchnoe pravo [Studies of folk life. Customary law]. Moscow; 1884. (In Russ.)
9. Kireevskiy IV. Sbranie sochineniy: v 2 t. [Collected works. In 2 vols.]. Moscow; 1911. Vol. 1. (In Russ.)
10. Kistyakovskiy B. V zashchitu prava [In defense of the law]. Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsii [Milestones: A collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow; 1909. (In Russ.)
11. Kolesov VV. Drevnyaya Rus: nasledie v slove: v 5 kn. [Ancient Rus: Heritage in the word. In 5 books]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; 2011. Book 4. (In Russ.)
12. Kolesov VV. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg; 2006. (In Russ.)
13. Kolesov VV, Kolesova DV, Kharitonov AA. Slovar russkoy mentalnosti: v 2 t. [Dictionary of Russian Mentality: In 2 vols.]. St. Petersburg; 2014. (In Russ.)
14. Mironov BN. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t. [Social history of Russia during the Empire period (18th — early 20th century). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. In 2 vols.]. St. Petersburg; 1999. (In Russ.)
15. Nadel-Chervinska M. Russkaya mentalnost i mentalnost rossiyskaya: sopostavlenie obemov semanticheskogo polya "novaya leksika" [Russian mentality and Russian mentality: Comparison of the volumes of the semantic field "new vocabulary"]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. 2008;(2):74-83. (In Russ.)
16. Orshanskiy IG. Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Research on Russian, customary and marriage law]. St. Petersburg; 1879. (In Russ.)
17. Troynitskiy NA, editor. Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Vyp. I: Obshchiy svod po imperii rezultatov razrabotki dannykh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. Issue I: A general

- summary of the results of the development of the data of the First General Population Census conducted on January 28, 1897]. St. Petersburg; 1905. (In Russ.)
18. Polezhaev DV. Russkiy mentalitet: opyt sotsialno-filosofskogo analiza : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Russian mentality: Experience of social and philosophical analysis. Author's Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) Dissertation]. Volgograd; 2011. (In Russ.)
 19. Solonevich IL. Narodnaya monarkhiya [People's monarchy]. Moscow; 2010. (In Russ.)
 20. Tolstoy LN. Sobranie sochineniy: in 22 t. [Complete Works. In 22 vols.]. Moscow; 1984. Vol. 18. (In Russ.)
 21. Shatkovskaya TV. Obychnoe pravo rossiyskikh krestyan vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: istoriko-pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The customary law of Russian peasants of the second half of the 19th — beginning of the 20th century: Historical and legal aspect. Author's abstract of Dr. Sci. (Law) dissertation]. Rostov n/D; 2009. (In Russ.)
 22. Shubart FV. Evropa i dusha Vostoka [Europe and the soul of the East]. Moscow; 2003. (In Russ.)
 23. Yazyk i mysl: sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2015. (In Russ.)